

КАТЯ
КЕКС

СОСЕД
СВЕРХУ

18+

МОЙ СОСЕД

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ

Катя Кекс

Мой сосед. Я знаю, что ты хочешь

«Автор»

2026

Кекс К.

Мой сосед. Я знаю, что ты хочешь / К. Кекс — «Автор», 2026

Мой брат сдаёт комнату неадеквату, который решил, что мной тоже может пользоваться. Ночью выбегаю в подъезд, пытаюсь спастись от мерзавца, а сосед просит у меня соль для шашлыка. Он спасает меня от обидчика, а уже через неделю переставляет мои кружки, занимает ванную и приучает моего кота спать на коврик, а не на подушке. Я должна его ненавидеть. Но когда он прижимает меня к стене в коридоре и шепчет: «Я знаю, что ты хочешь», — я не могу дышать. Потому что он прав. Я хочу. И это страшнее любого неадекватного соседа.

Содержание

глава 1	5
глава 2	8
глава 3	10
глава 4	13
глава 5	16
глава 6	19
глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Катя Кекс

Мой сосед. Я знаю, что ты хочешь

глава 1

Катя

Пулей вылетаю в подъезд и захлопываю дверь.

Снаружи. Защёлкиваю замок.

Хлопок. Тишина.

Я слышу, как он внутри шарит по двери. Как его пальцы скользят по старой краске, пытаюсь нащупать ручку. Но дверь открывается только ключом. Я знаю. Я специально её закрыла.

— Крошка, ну чего ты такая дикая, — голос из-за двери масляный, хриплый. — Иди сюда, Славик тебе плохо не сделает. Сама добавки просить будешь. Давай, малышка, открывай.

Я прижимаюсь спиной к холодной стене. Дышу рвано. Сердце колотится так, что я слышу его в ушах.

Вообще охренеть.

Мало я мирюсь с тем, что Денис сдаёт свою комнату посуточно. Мало терплю чужих людей на своей территории. Теперь я должна ночью быть начеку, чтобы какой-то волосатый придурок не залез в мою постель?

Трясёт знатно.

Я пытаюсь понять, что делать. Звонить Денису. Сейчас. Прямо сейчас. Пусть приезжает и забирает своего постояльца. Я нащупываю рукой карман шорт, потом майки. И осознаю с глухой тоской...

Телефон остался в квартире.

Замираю.

— Да чтоб тебя, — шепчу я в темноту.

Где-то этажом выше мигает лампочка. В подъезде пахнет сыростью, чужими сигаретами и кошками. Я босиком, в одной майке и пижамных шортах. Ночью. Одна на лестничной клетке.

Ой, мамочки, что делать-то?

За дверью слышно, как постоялец пьёт воду из-под крана. Как ставит стакан на стол. Потом его голос — уже ближе, почти у самой двери:

— Ну, красотка, я же слышу, что ты там. Давай, я не кусаюсь. Если сама не откроешь — я найду как выйти.

Зажмуриваюсь.

Если он попытается выбить дверь, что делать? Бежать вниз? Я босиком. Стучать к соседям? Кто откроет в два часа ночи?

Я чувствую, как слёзы подступают к горлу. Прямо сейчас. Не могу дышать.

А сверху — шаги.

Медленные. Тяжёлые.

Замираю и ещё сильнее вжимаюсь лицом в холодную дверь. Только не это. Только не ещё один. Я не хочу видеть ещё одного мужика сегодня. Я закрою глаза, дождусь, когда он пройдёт мимо, а потом...

— Соседка, — раздаётся сверху, голос басовитый, взрослый, спокойный. — Я дико извиняюсь, но у тебя соли не найдётся?

Я не оборачиваюсь. Не могу.

Стою, упираясь лбом в косяк, и слёзы уже текут по щекам непрекращающимся потоком. Я пытаюсь дышать ровно, но у меня не получается, и я чувствую, что вот-вот скачусь в исте-

рику. Я даже не вижу того, кто сзади. Я просто слышу его голос и понимаю, что он стоит в двух ступенях за моей спиной.

— Эй, — его голос меняется, становится мягче. — Ты чего? Тебя что, выгнали? Кто? Муж? Поговорить с ним?

Я мотаю головой не оборачиваясь.

— Не надо.

Шепчу это почти беззвучно, хотя сама не понимаю, почему отказываюсь от помощи. Может, попросить у него телефон? Но я не помню номер Дениса. Вообще ни одного номера на память. Я живу в телефоне, а сейчас у меня его нет, и в голове ни одного контакта, где мне могли бы помочь.

Сосед молчит секунду, две, три.

— Ты это, — говорит он снова, уже чуть громче, — раз уж не спишь, насыпь соли. Реально надо. Мы там с пацанами мясо на завтра маринуем, а соль кончилась. Ночь. Меня, как самого отбитого отправили искать, кто не спит. Я тебя нашёл. Второго шанса не будет.

Он делает шаг вниз. Я слышу его дыхание.

— Меня, кстати, Ваня зовут. А тебя?

Я вытираю лицо ладонями. Слёзы, сопли, беспомощность. А ведь реально, второго шанса не будет. Внутри злость: на себя, на Дениса, на этого Славика, который сейчас пьёт мою воду. И на этого Ваню, который стоит за спиной со своей грёбаной солью.

— Катя, — выдавливаю я.

— Катюх, — он произносит это спокойно, почти ласково. — Не оставь в беде? В магазин далеко переться. Одолжи белой отравы, по-братски. Без неё шашлык не шашлык будет.

Я, наконец, поворачиваюсь.

И смотрю на него.

Высокий. Крепкий. С богатырским размахом плеч. В серых трениках и с голым торсом. Волосы светлые, на груди татуировки плотным узором.

Это просто пипец какой-то.

Да за что же мне так везёт сегодня?

— У меня в квартире чужой мужик, — говорю я, и голос предательски дрожит. — Пьяный. Агрессивный. Он хочет, чтобы я прыгнула к нему на коленки.

Ваня смотрит на меня. Секунду. Две.

Потом его глаза темнеют.

— А зачем ты егопустила?

— Не я, — отвечаю я. — Мой брат сдаёт свою комнату посуточно. Сегодня мне не повезло с соседом.

Он молчит. Что-то переваривает.

Потом говорит коротко:

— Ну-ка, подвинься.

Я делаю шаг в сторону. Он подходит к двери, протягивает руку:

— Давай ключ.

Смотрю на него, на его голую грудь, на спокойное лицо.

— Сейчас мы этого гада научим правилам хорошего поведения.

Я протягиваю ему ключ. Он берёт, поворачивает его в замке, и я слышу, как Ваня входит в коридор.

— Эй, — голос Вани из глубины квартиры. — Ты где?

— А ты кто такой? — голос Славика пьяный, наглый. — Я тут живу. С хозяйкой, она моя.

— Она не твоя, — голос Вани становится металлическим, режущим. — И ты сейчас уйдёшь.

— Да пошёл ты...

Глухой удар. Короткий вскрик. Что-то падает.

Я стою в подъезде, вжимаясь спиной в холодную стену, и не могу дышать нормально.

Голос Вани уже другой: жёсткий, холодный, без капли улыбки:

— Славик выпался и уже уходит, верно?

Тихий стон. Корявые ругательства. Пьяные шаги — неровные, шаркающие. Дверь открывается, и мимо меня, не смотря по сторонам выходит мужик в трусах со спортивной сумкой, из которой торчит наскоро засунутая одежда. Волосатый, грязный, щека красная. Он даже не смотрит на меня.

Ваня появляется в проёме. Он хрустит суставами пальцев, и я замечаю у него на костяшках свежую ссадину.

— Готово, — говорит он спокойно. — Враг обезврежен. Больше не вернётся.

Смотрит на меня и улыбается.

— Соли насыпешь?

Я не могу отказать, это было бы верхом невоспитанности. Нервно выдыхаю, вытираю ладонями слёзы с щёк, прохожу мимо него в квартиру.

И только сейчас понимаю, как сильно замёрзла.

Зуб на зуб не попадает.

Я хватаюсь за плечи, пытаюсь согреться, а Ваня уже идёт в мою спальню, я слышу его шаги по коридору, потом шорох. Он возвращается с моим пледом в руках. Тем самым, который лежал на кресле.

— Пришлось твоего кота чуть подвинуть, — говорит он, протягивая мне плед. — Надеюсь, он не в обиде, но тебе сейчас нужнее.

Я беру плед и благодарно киваю. Тёплая плюшевая ткань накрывает плечи.

— Это Кекс, — говорю я. — Он вообще-то должен был меня защищать, но вечно спит на моей подушке, как убитый. Как ты его подвинул?

— Я аккуратно, — Ваня пожимает плечами. — Он даже не проснулся. Только ухом повёл.

Я смотрю на этого мужчину. На его голый торс, на ссадину, на спокойные глаза. И произношу:

— Соль на кухне.

— Понял, — он улыбается.

глава 2

Катя

Мы заходим на кухню.

Она у меня маленькая. Метра три на три. Старый гарнитур, поцарапанная столешница, газовая плита под вытяжкой. На подоконнике — герань, которую я поливаю как положено, но она всё равно не цветёт.

Открываю верхний шкафчик.

На полке небольшой беспорядок. Соль, перец, лавровый лист, какой-то старый мак, пачка соды, которую я купила для выпечки, но так и не пекла. Я встаю на цыпочки, тянусь.

И вдруг чувствую его.

Горячее. Прямо за спиной.

Ваня подошёл ближе. Слишком близко.

— Давай помогу, — говорит он, и его голос звучит прямо над моим ухом.

Он тянется рукой к той же полке. Я чувствую его грудь — голую, тёплую — почти касается моей спины. Его дыхание — на моей шее.

Я замираю.

Сердце пропускает удар. Потом ещё один. Я не могу дышать.

Я слышу запах его кожи — мужской, терпкий. Чувствую, как его плечо прижимается к моему, когда он тянется за банкой. Наши пальцы почти соприкасаются.

И я дёргаюсь.

Не понимаю, что делаю. Просто отшатываюсь назад, в сторону. Он чужой. Он тоже мужик. И он слишком близко. Я ударяюсь бедром об угол стола, теряю равновесие, хватаюсь за шкафчик рукой.

Графин летит вниз.

Я слышу звук — сначала звонкий удар о кафель, потом звон. Тысячи осколков разлетаются по кухне. Вода заливает плитку, мои босые ноги, его босые ступни. Я застываю, глядя вниз.

— Вот это я сходил за солью, — произносит Иван.

Голос у него спокойный, но я слышу в нём лёгкую усмешку, поднимаю на него глаза.

— Извини, — выдыхаю я. — Извини, пожалуйста. Я нечаянно, я сейчас...

Я делаю шаг вперёд, чтобы взять тряпку, и наступаю на осколок. Острая боль режет подушечку стопы.

— Ай!

— Стоп, — говорит Ваня, перехватывая меня за локоть. — Не двигайся.

Я смотрю вниз. На кафеле — вода, осколки и тонкая струйка крови. Моя. Я разрежала ногу.

— Я сейчас, — говорю я, дёргаясь, пытаюсь вырваться, чтобы найти аптечку. — Я тебя перевяжу, у тебя тоже... у тебя на ноге...

У него на голени — красная полоса. Также порез. Стекло зацепило и его.

— Кать, — его голос становится твёрже. — Стой. Не дёргайся.

Он не даёт мне уйти. Вместо этого просто подхватывает меня под колени и сажает на стол. Я оказываюсь на столешнице, задом на прохладном покрытии, а он стоит между моих ног и смотрит на меня сверху вниз.

— Сиди, — командует он. — Я сам.

— Но ты же тоже поранился...

— Я мужчина, — он усмехается, но без наглости. — У меня заживёт. А ты сейчас в таком состоянии, что всю кухню разнесёшь.

Он возвышается надо мной, голый торс, мокрые ноги, на лице — спокойная улыбка. И я чувствую себя маленькой, неуклюжей, и в то же время почему-то в безопасности.

— Где у тебя веник?

— В углу, за холодильником.

Ваня кивает, подходит к холодильнику, находит веник и совок. Быстро, ловко сметает осколки в кучу. Я смотрю, как он работает, и замечаю, что порез на его ноге всё ещё кровоточит.

— А аптечка где? — бросает он через плечо.

— В ящике, — показываю на нижний шкафчик. — Второй сверху.

Он открывает ящик, достаёт старую аптечку. Находит йод, смазывает свою царапину, коротко шипит. Потом подходит ко мне.

— Давай ногу.

Он берёт мою лодыжку в ладонь. Рука у него горячая, широкая, почти закрывает мою щиколотку. Поднимает мою стопу, осматривает, чуть нажимает на порез.

— Неглубоко, — говорит он. — Заживёт.

Льёт перекись на рану. Я шиплю, дёргаюсь.

— Тихо, — он хмыкает, но нажимает пальцем на края пореза. — До свадьбы заживёт.

— До чьей свадьбы? — бормочу я, не зная, куда деваться от его прикосновений.

— До твоей конечно же, — отвечает он, не поднимая глаз, и я не понимаю, шутит он или нет.

Заклеивает мой порез пластырем. Аккуратно, быстро. Так, будто делал это сто раз.

— Всё, — говорит он, отпуская мою ногу. — Теперь можно и соль достать.

Я смотрю на него. Он улыбается, протягивает руку к банке с солью и насыпает себе полстакана, после разворачивается, чтобы уйти, и уже в дверях, почти выйдя в коридор, оборачивается.

— Закрой за мной дверь, Катюх, — говорит он серьёзно. — И больше никому не открывай. Если что — звони.

Достаёт из кармана треников чёрную визитку с золотым тиснением, протягивает мне.

— Мой номер, — говорит он. — Если вдруг что.

Я беру карточку, смотрю на цифры.

— Спасибо, — шепчу ему с благодарностью.

Он усмехается.

— Спасибо на хлеб не намажешь, но... Сочтёмся.

Салютует мне двумя пальцами. И выходит.

Дверь за ним закрывается. Я слышу, как его шаги удаляются вверх по лестнице.

Я остаюсь одна.

Сажу на столе, закутанная в плед. На ноге — пластырь. На полу — мокрые разводы, сердце колотится бешено.

Я смотрю на визитку с номером — Исаев Иван Романович, больше ничего, ни названия фирмы, ни должности, ни логотипа. Кто ты такой, Иван Романыч?

Из моей спальни доносится звонок мобильного, аккуратно слезаю со стола и иду брать трубку.

глава 3

Беру трубку.

На экране определился номер Дениса.

Принимаю вызов, и в ту же секунду в ухо влетает его голос — злой, пьяный, визгливый.

— Катя, ты вообще охренела?!

Я отшатываюсь от телефона, как от пощёчины.

— Чего?

— Ты что устроила?! — он орёт, и я слышу, как у него фонит — он то ли на улице, то ли где-то в баре. — Ты подставила меня с клиентом! Я теперь из-за твоих ухажёров должен возвращать оплату с неустойкой! Ты вообще в своём уме?!

Я застываю.

— Денис, этот мужик...

— Катя, я тебя даже слушать не хочу! — он перебивает, даже не давая вставить слово. — Если хочешь на своей половине трахаться — пожалуйста! Твоя комната, твоё дело. Но моих постояльцев не трогай! Это мой заработок! Поняла?!

Я прижимаюсь спиной к стене.

— Денис, он пытался... — голос ломается, меня передёргивает от одного воспоминания про этого Славика.

— Слышать ничего не хочу! — он повышает голос, и я слышу, как он затягивается сигаретой. — Клиент оплатил трое суток, а теперь требует неустойку! Я уже деньги потратил, Катя! У меня долги! Ты мне должна пятнадцать косарей, поняла? Прямо сейчас перечисляешь, и не жди возврата, потому что это твоя вина!

— Это моя вина? Моя вина, что твои дебилы постояльцы оказываются маньяками и лезут ко мне в постель? А не охренел ли ты, Денис, раз таких клиентов находишь? Если ты меня пытаешься выжить, то не надейся! — наконец-то прорезается мой голос.

— А ты что, не могла просто закрыть дверь? Или потерпеть? Он же не убил тебя! Жива, здорова, а я теперь без денег! И неустойка на мне! И вообще, Катя, — он говорит это как одолжение, как будто я обязана ему благодарностью. — Ты можешь хоть раз в жизни не быть эгоисткой? Подумай о других!

Я молчу, пыхчу, смотрю в стену перед собой и чувствую, что ещё чуток и я взорвусь.

— Денис, — цежу я сквозь зубы. — Вообще-то, скажи спасибо, что я полицию не вызвала.

Он смеётся. Коротко, зло, похоже, ситуация его веселит.

— А лучше бы вызвала! Мне бы тогда хоть неустойку платить не пришлось!

Я закрываю глаза. Разговор в никуда.

— Денис, — говорю я уже устало. — Продай мне свою. Хватит уже...

— Не продам, — отвечает он, и голос у него становится холодным, как сталь. — Из принципа. Не продам тебе. Я лучше буду посуточно сдавать, чтобы тебе жизнь маслом не казалась. И он ржёт. Прямо в трубку. Громко, мерзко.

Отключаю вызов.

Телефон бросаю на кровать. Смотрю на него, на дверь, на стену, где висит старая фотография тётки. На свои руки — они трясутся.

Выхожу на балкон, чтобы хоть чуток глотнуть свежего воздуха и успокоиться.

На мне плед, под ним майка и пижамные шорты. Ноги босые. Холодно. Но это помогает. Я втягиваю воздух носом, выдыхаю через рот, пытаюсь усмирить бешенство внутри, закрываю глаза...

И срываюсь.

— Твою мать, Денис, — произношу я злобно, вслух, словно он сейчас прямо рядом со мной. — Ты просто... ты...

Я не могу подобрать слова. Просто матерюсь в темноту, не стесняясь в выражениях. Это помогает чуть-чуть. Только чуть-чуть.

Сверху раздаётся голос.

— Катюх, проблемы?

Я вздрагиваю. Поднимаю голову.

С балкона надо мной, с верхнего этажа, свешивается Ваня. Он смотрит на меня сверху вниз с лёгкой улыбкой, но в глазах — внимательность.

— Я не подслушивал, — говорит он, — но ты так эмоционально разговаривала с невидимым собеседником. И голос у тебя был громкий. И мат — витиеватый.

— Извини, — выдавливаю я. — Прости, что помешала.

— Не, ты не помешала, — он подмигивает мне. — Я просто вышел подышать перед сном, а то что-то не спится в чужой квартире. Так что вот так.

Я молчу. Смотрю вниз, на тёмный двор.

— Может, тебе помочь? — спрашивает он.

— Нечем, — бурчу я. — Тут не поможешь. Брат у меня козёл. Идиот. Думает, что я должна платить за то, что его постоялец полез ко мне.

— Тот самый, — говорит Ваня. — Славик?

— Тот самый, — киваю я.

Он качает головой.

— Козёл, — говорит он просто. — А ещё брат называется.

— Двоюродный, — поправляю я. — Но от этого не легче.

— А что он хочет? — Ваня облокачивается на перила своего балкона, смотрит на меня сверху.

— Хочет, чтобы я заплатила пятнадцать тысяч за то, что его постоялец оказался маньяком.

— Прямо так и сказал?

— Прямо так.

Ваня молчит. Смотрит на меня. Я чувствую его внимательный взгляд, и от этого мне становится теплее, хотя стою на балконе, босиком, в пледе, ночью.

— Дурак, — говорит он наконец. — Брат твой.

— Я знаю, — усмехаюсь я.

— А что ты думаешь делать? — спрашивает он. — Будешь платить?

— Нет, — отвечаю я. — Я ему ничего не должна. Я вообще не должна была эту квартиру с ним делить. Это тёткина была. Она её мне завещала, а Денис вписался через суд, потому что его мать — родная сестра тётки. И теперь мы делим площадь. Он сдаёт посуточно, я живу. Я хочу выкупить его долю, но он не продаёт. Из принципа.

— Из принципа? — повторяет Ваня задумчиво.

Он переводит взгляд на небо. Потом снова на меня.

— Слушай, — говорит он, и в голосе появляется что-то новое — лёгкое, почти просящее. — У меня тут идея. Мы с пацанами завтра на шашлыки едем. В деревню, там баня, река, мясо. Поехали с нами.

— Я не знаю тебя, — говорю я. — И твоих пацанов. А вдруг вы...

— Не, у нас все нормальные. Пацаны с жёнами едут, не бойся. Компания хорошая, я тебя не брошу.

— Я не могу, — говорю я. — У меня кот. Я его одного не оставлю.

— Да ладно, выдержит твой кот денёк без тебя, — легко говорит он. — Вечером уже дома будешь.

— Иван, — я качаю головой. — Спасибо, но я не поеду.

Он секунду молчит, глядя на меня сверху. Потом говорит тише, мягче:

— Слушай. Я понимаю тебя в принципе, но у меня к тебе шкурный интерес. Ну и по большому счёту ты мне за спасение должна.

Я смотрю на него. И чувствую поднимающееся изнутри негодование.

— Там будут все с жёнами, — продолжает он. — Жёны, дети, шашлыки, река. Я один холостой. Приеду один и буду весь вечер сидеть с мясом и грустить. Пацаны меня задразнят. А если я с тобой приеду, они успокоятся. А вечером я тебя привезу домой как штык, обещаю. Никто тебя пальцем не тронет. Я сам буду с тобой весь день. А если тебе станет скучно или страшно, отвезу тебя обратно в любую минуту. Идёт?

Я смотрю на него. В темноте я вижу его лицо, освещённое тусклым светом из окна. Серьёзное. Искреннее. Он не давит. Он предлагает. И это чувствуется.

— А кот? — спрашиваю я.

— Твой кот останется дома, — он пожимает плечами. — Мы же не на неделю уезжаем. Я к вечеру верну тебя обратно. Покормишь его утром, поставишь воду — и он даже не заметит, что тебя не было. А даже если заметит, мы ему шашлык привезём, чтобы не злился.

Я еле сдерживаю улыбку. Первую настоящую улыбку за сегодняшний вечер.

— Там будут дети?

— Не без этого.

— Я не хочу сидеть с детьми, — это моя последняя отговорка, больше придумать нечего.

— Будешь сидеть со мной, — он пожимает плечами. — Мы с тобой будем жарить мясо и обсуждать, какие у тебя ужасные родственники.

Делаю глубокий вдох и сдаюсь.

— Хорошо, — говорю я тихо. — Я согласна.

Он улыбается так, что я вижу эту улыбку даже с расстояния в этаж.

— Отлично, значит, договорились, завтра в десять. Я зайду за тобой. Будь готова.

— Договорились, — говорю я.

Он кивает, салютует мне, исчезает с балкона.

Я стою одна. Ночь. Холодно. Плед. Босые ноги.

И понимаю, что завтра в десять утра я поеду с незнакомым мужиком и его друзьями на шашлыки. И это безумие.

Закрываю балконную дверь, иду в спальню, ложусь на кровать. За окном тишина. Только ветер.

Лежу, смотрю в потолок и думаю о нём. О том, как он стоял надо мной в своей кухне, как сажал меня на стол, как клеил мне пластырь, как смотрел с балкона сверху, как сказал «до свадьбы заживёт»...

Закрываю глаза и улыбаюсь в темноте. Завтра в десять.

глава 4

Катя

Просыпаюсь в девять сорок две и первые несколько секунд просто лежу, уставившись в потолок.

Что-то не так.

Сердце колотится слишком быстро, в висках ноет, во рту сухо, будто я не спала всю ночь, а таскала кирпичи. Потом память, как назло, включается сразу целиком.

Славик. Подъезд. Ваня. Соль. Пластырь. Балкон. Шашлыки.

Господи.

Я резко сажусь на кровати и тут же морщусь — в стопе неприятно тянет. Пластырь на месте. Значит, это всё мне не приснилось. Кекс, развалившийся у меня в ногах, поднимает голову и смотрит с таким немым осуждением, будто это я среди ночи ломилась к нему в комнату с перегаром.

— Не начинай, — бормочу я. — Мне и без тебя стыдно.

Телефон на тумбочке показывает 9:43.

Если очень постараться, я ещё успею. Если не постараться — тоже успею, просто буду собираться в панике и ненавидеть себя ещё сильнее.

Я перевожу взгляд на чёрную визитку, которую вчера зачем-то положила рядом с телефоном. Как будто боялась, что утром проснусь и решу, что мужчина с голым торсом, солью и командным голосом мне приснился.

Исаев Иван Романович.

Без должности, без компании, без лишних слов. Просто имя и номер. Как будто этого достаточно, чтобы ему открывали двери и не задавали вопросов.

Самовлюблённо. Раздражает.

И почему-то цепляет.

Я иду в ванную, умываюсь ледяной водой и долго смотрю на себя в зеркало. Вид у меня, мягко говоря, негероический: волосы в разные стороны, под глазами серые тени, на щеке след от подушки. Лицо женщины, которая вляпалась в какую-то совершенно ненужную историю и вместо того, чтобы срочно из неё выбираться, собирается поехать с незнакомым мужиком на шашлыки.

Прекрасно, Катя.

Просто прекрасно.

Пока чищу зубы, успеваю мысленно десять раз отказаться.

У меня болит нога.

У меня кот.

У меня куча дел.

Я вообще не обязана ехать чёрт знает куда, потому что сосед сверху красиво смотрит и говорит так, будто у него на всё в этом мире есть право.

На последней мысли я замираю со щёткой во рту.

Не потому, что мысль неправильная. А потому что за ней честно стоит другая.

Мне хочется поехать.

Не из вежливости. Не потому, что неудобно отказать. А потому что мне любопытно. Потому что меня тянет. Потому что я с самого пробуждения думаю не о шашлыках даже, а о нём.

Я сплёвываю пасту и зло смотрю на своё отражение.

— Дура, — сообщаю ему. — Соберись.

На кухне Кекс уже трётся о ноги и орёт так, будто его не кормили трое суток. Насыпаю ему корм, меняю воду, ставлю вторую миску на всякий случай.

— Если я не вернусь, — говорю коту, — ты всё имущество Дениса заблуй. Это будет твой вклад в семейную месть.

Кекс с хрустом ест и даже ухом не ведёт. Предатель.

Перед шкафом я зависаю почти на пять минут.

Что надевают на пашлыки к незнакомым людям? Чтобы не выглядеть ни нарядной душой, ни затюканной домоседкой, ни женщиной, которая очень старалась не стараться?

В итоге вытаскиваю джинсы, белую футболку и джинсовку. Волосы собираю в хвост. Чуть туши, бальзам для губ — и всё. Никаких платьев. Никаких намёков. Я еду есть мясо, а не устраивать кому-то визуальное сопровождение.

Хотя, если быть честной, я и сама себе не верю.

Когда в дверь звонят, я всё равно вздрагиваю.

Сердце почему-то ухает вниз, будто не сосед пришёл, а проверка на профпригодность.

Смотрю в глазок — он.

И вот тут самое раздражающее: я моментально выдыхаю.

На Ване чёрная футболка, серые джинсы и кроссовки. Волосы ещё чуть влажные, словно только из душа. В руке ключи от машины. Стоит спокойно, без нетерпения, без суеты, как человек, у которого мир в принципе под контролем.

И от одного этого мне уже хочется немного с ним поссориться.

Открываю дверь ровно настолько, чтобы можно было говорить и при желании быстро захлопнуть.

— Ты пунктуальный, — говорю вместо приветствия.

Он скользит по мне быстрым взглядом — не наглым, не липким, просто внимательным — и от этого взгляда у меня почему-то моментально натягивается кожа на затылке.

— А ты всё-таки собралась, — замечает он.

Спокойно. Без удивления. Будто и так знал, что я поеду.

Это тоже бесит.

— Я ещё могу передумать.

— Можешь, — легко соглашается он. — Но не будешь.

— Это ещё почему?

Ваня едва заметно усмехается:

— Потому что ты ресницы покрасила.

Я машинально шурюсь.

— Это тушь осталась со вчера.

— Ну да, конечно.

Вот это его «конечно» — совершенно невыносимая вещь. Сказано вроде бы мягко, без издёвки, но так, будто он всё понял и спорить даже не собирается. И именно поэтому хочется огрызнуться сильнее.

— Подожди минуту, — бросаю я. — Я кота проверю.

— Проверяй. Я подожду.

Никаких «давай быстрее», никакой суеты. И от этого с ним ещё сложнее. Когда мужчина давит в лоб, хотя бы понятно, на что злиться. А этот просто стоит в дверях и одним своим спокойствием делает так, что я чувствую себя нервной.

Ухожу в комнату под предлогом кота просто потому, что мне нужно на секунду исчезнуть с его глаз. Кекс уже лежит на подоконнике и смотрит в окно с выражением человека, который слишком многое видел в этой жизни.

— Если что, — шепчу ему, — я была хорошей матерью.

Он даже не оборачивается.

Когда возвращаюсь, Ваня стоит чуть в стороне и смотрит на фотографию тётки на стене. Не лезет с вопросами, не делает скорбное лицо, просто отмечает взглядом и переводит его на меня.

— Это та самая тётка? — спрашивает негромко.

— Да.

Он коротко кивает.

И от этого простого кивка мне вдруг становится легче. Потому что не начал расспрашивать. Не полез туда, куда я его не звала. Просто заметил и принял.

Я беру сумку, телефон, ключи.

— Ладно. Поехали.

глава 5

Катя

Иван отступает, пропуская меня вперёд. Я закрываю дверь, дёргаю ручку, проверяя замок.

— Всё? — спрашивает он.

— Всё.

— Тогда пошли, Катюх.

Спускаемся по лестнице. Я иду впереди, чувствуя его присутствие почти физически. Ваня не касается, не подгоняет, ничего не говорит, но рядом с ним пространство будто становится теснее.

Во дворе стоит тёмно-синий внедорожник. Большой, чистый, с затемнёнными стёклами. Я машинально замедляюсь.

— Ничего себе у тебя «соль закончилась».

Он открывает мне пассажирскую дверь и бросает на меня взгляд, в котором уже читается усмешка.

— А ты думала, я на метле?

— Ну не буквально так, но направление мысли ты уловил.

Сосед тихо смеётся. Низко, коротко. И почему-то именно от этого смеха у меня внутри что-то тёплое неприятно вздрагивает.

— Садись, ведьмочка, прокатимся с ветерком.

Хочется съязвить, но я молча сажусь. В салоне пахнет чем-то древесным, свежим, чистым. И ещё им. На панели идеальный порядок, на заднем сиденье сумка-холодильник, пакеты с овощами и связка шампуров.

— Ты собрался кормить полгорода? — спрашиваю я пристёгиваясь.

— Нет. Только тех, кто приедет.

И снова говорит так, будто вообще не старается быть смешным. Просто у него это само. Раздражающе.

Пока он выруливает со двора, я решаю, что лучше проговорить правила сразу.

— Слушай. Я правда еду только потому, что обещала. Давай без странностей.

— Это каких?

Он даже головы не поворачивает, но я почему-то всё равно чувствую, что слушает внимательно.

— Таких, где меня внезапно представляют твоей девушкой. Или начинают вести себя так, будто мы... — я запинаюсь, потому что сама не знаю, что именно «мы». — В общем, ты понял.

Он кивает, и это спокойствие заранее меня настораживает.

— Не представлять тебя своей девушкой. Принято.

Слишком быстро. Слишком легко. Как будто он просто записал условия игры.

— И не флиртовать со мной при всех, — добавляю я, уже сама чувствуя, что звучит это как-то двусмысленно.

Он всё-таки бросает на меня короткий взгляд.

— А без всех можно?

Я поворачиваюсь к нему всем корпусом.

— Иван.

— Что?

— Ты специально меня бесишь?

— Нет, — отвечает он совершенно серьёзно. — Это у тебя природная реакция на меня.

Я отворачиваюсь к окну и стискиваю зубы. Потому что если сейчас посмотрю на него ещё раз, то либо начну смеяться, либо действительно поругаюсь. А ни того, ни другого я не планировала.

— Невыносимый.

— Зато честный.

Утренний город ещё не до конца проснулся. У киоска с кофе толпятся сонные люди, на остановке женщина держит за руку мальчика с ярким мячом, у рынка мужики разгружают ящики с абрикосами. Всё обычное, привычное, земное. Я цепляюсь за эти картинки взглядом, будто они помогут не думать о том, насколько странно я себя чувствую рядом с ним.

Но, конечно, думаю.

О том, как уверенно он ведёт. Одной рукой держит руль, второй иногда постукивает пальцами по нему в такт музыке. Что-то спокойное играет совсем тихо, почти фоном. Он шурится от солнца, и на секунду мне хочется рассмотреть его профиль подробнее: линию носа, подбородок, шею. Я вовремя отворачиваюсь.

— Ты всегда такой? — спрашиваю я, прежде чем успеваю себя остановить.

— Какой?

— Как будто всё вокруг давно решил.

Он чуть усмехается, но не с насмешкой, а будто правда обдумывает ответ.

— А ты всегда такая?

— Какая?

— Как будто ждёшь подвоха даже от навигатора.

Я фыркаю, хотя попал он слишком точно, чтобы это было смешно.

— Навигатор хотя бы честно говорит, куда ведёт.

— А я, значит, нет?

— А ты вообще непонятно куда меня везёшь.

— В Сосновку. Сорок минут от города. Дом у Серёги. Баня, мангал, река, комары. Ещё уточнения нужны?

Я хмыкаю.

— Уже лучше.

— Если хочешь, можешь кому-нибудь отправить геолокацию. И номер машины.

Я поворачиваю к нему голову. На секунду даже не знаю, шутит он или нет.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Чтобы ты не сидела и не думала, как я тебя вывезу в лесополосу и разберу на органы.

— Фу, звучит мерзко, — морщусь я. — Вообще-то я так не думала.

Он ничего не говорит, только бросает на меня тот самый взгляд, от которого моментально понятно: врёшь.

И да, я действительно немного думала. Самую малость.

И от того, что он это сам проговорил, мне становится заметно спокойнее. Потому что человеку, который собирается сделать что-то плохое, вряд ли придёт в голову первым предложить скинуть подруге геолокацию.

Я достаю телефон и пишу подруге Лене:

«Если что, я уехала в Сосновку с соседом. Его зовут Ваня. Машина синяя и огромная, как его самомнение».

Ответ приходит почти сразу:

«Сосед хотя бы красивый?»

Я моментально блокирую экран.

— Что? — спрашивает Ваня, он явно видел смс от Ленки.

— Ничего. Женщины меня разочаровали.

— Понятно, — кивает он. — Значит, красивый.

— Ты слишком самоуверенный.

— А ты слишком заметно нервничаешь.

— Я не нервничаю.

— Конечно.

И вот опять. Спокойно, почти мягко, но так, будто он уже видит меня насквозь.

Я поворачиваюсь к нему, раздражение поднимается резче, чем должно бы.

— Да что у тебя за манера такая? На всё отвечать так, будто ты умнее всех?

Он не обижается. Даже не напрягается. Только смотрит на дорогу чуть внимательнее и отвечает через паузу:

— А что у тебя за манера? На каждое нормальное слово выпускать иголки, будто я сейчас на тебя наброшусь?

Я стискиваю зубы, потому что эта фраза попадает в больное место слишком прямо. В груди неприятно жмёт — злостью, стыдом, упрямством, всем сразу.

— Я просто не люблю, когда на меня давят, — говорю уже тише.

— А я пока не давил.

Сказано ровно. Без вызова. И именно от этого внутри опять всё натягивается. Потому что он не спорит, не обесценивает. Просто констатирует факт, который я и сама, если честно, понимаю.

— Это ты так считаешь, — бурчу я.

— Нет, Катюх. Это ты так чувствуешь.

И вот это уже совсем нечестно. Потому что он не должен так быстро считывать вещи, которые я сама не люблю в себе признавать.

глава 6

Дальше мы какое-то время едем молча. За городом дорога идёт между полями, зелень вокруг густая и яркая, небо высокое, с белыми облаками, у обочины продают клубнику в пластиковых вёдрах, возле одного дома на заборе сушится ковёр. Лето разлито везде — в пыли, в жаре, в запахе травы.

На этом фоне внутри становится чуть спокойнее.

Настолько, что я даже не сразу замечаю, как он сворачивает к магазину.

— Зачем? — спрашиваю я.

— За льдом и водой. Серёга, конечно, опять ничего не купил.

Он выходит, а я остаюсь в машине одна. И только сейчас чувствую, насколько зажаты были плечи. Будто всё это время сидела, готовая в любой момент отбиваться.

Можно же сейчас просто выйти, вызвать такси и уехать домой.

Никто меня не держит.

Никто не заставляет.

Я даже кладу руку на ручку двери.

И в этот момент вижу через лобовое стекло, как Ваня стоит у холодильника с напитками, одной рукой держит пятилитровку, другой листает что-то в телефоне, а продавщица что-то ему говорит. Он отвечает ей коротко, спокойно, улыбается.

Обычный мужчина.

Не герой, не чудовище, не маньяк, не рыцарь. Просто взрослый, уверенный в себе мужик, рядом с которым я почему-то сама превращаюсь в оголённый провод.

Я убираю руку.

Когда он возвращается, в руках у него пакеты и лёд.

— Сбежать не пыталась? — спрашивает, садясь за руль.

Я шурюсь.

— Думала.

Он кивает так, будто именно этого и ожидал.

— И?

— Решила дать тебе шанс не оказаться маньяком.

— Благородно с твоей стороны.

К Сосновке я уже чуть меньше похожа на человека, которого везут на допрос. Совсем чуть-чуть, но всё же.

Сам посёлок оказывается не глухой деревней, а вполне ухоженным местом: крепкие дома, новые заборы, где-то лают собаки, где-то пахнет дымом и жареным мясом. У меня почему-то ёкает внутри, как в детстве перед чужим днём рождения, где никого не знаешь.

— Приехали, — говорит Ваня.

Дом у Серёги большой, с широким двором, баней сбоку и беседкой, увитой зеленью. Во дворе уже стоят две машины. Где-то смеются дети. На мангале дымит уголь.

У меня внутри всё опять сжимается.

Смешно. В подъезде с пьяным Славиком я, кажется, держалась собраннее, чем сейчас перед кучей незнакомых людей.

— Передумала? — спрашивает Ваня, заметив, что я не спешу выходить.

Голос у него тихий и неожиданно не давящий. Без насмешки. Будто правда оставляет мне выход.

Это подкупает сильнее, чем я готова признать.

— Пока нет.

— Уже хорошо.

Он выходит первым, обходит машину и открывает мне дверь. Я выбираюсь сама, машинально поправляя джинсовку.

Из дома тут же вылетает рыжий мальчишка лет шести с водяным пистолетом.

— Дядя Ваня приехал!

Следом появляется высокий мужик в шортах и майке, с щипцами для мяса в руке.

— О, Исаев! — орёт он ещё на ходу. — Живой? А мы уже думали, тебя по дороге какая-нибудь принципиальная баба сожрала.

Он замечает меня, и выражение лица у него становится слишком довольным.

Я успеваю напрячься ещё до того, как он откроет рот снова.

Но Ваня реагирует быстрее.

— Серый, — говорит он лениво, но в голосе появляется сталь. — Это Катя. Моя соседка. Следи за языком.

И вот тут я прямо физически чувствую разницу между шуткой и предупреждением. Снаружи тон тот же спокойный, а внутри него уже твёрдость, о которую лучше не биться лбом. Серёга это тоже считает мгновенно.

— Понял, — поднимает он свободную руку. — Серёга. Можно Серый. Проходи, Катя, не бойся, мы тут в целом безобидные.

— Это громко сказано, — бормочет Ваня.

Я невольно улыбаюсь.

Дальше всё идёт легче, чем я ожидала. Из беседки выходят остальные: Оля, жена Серёги — короткая стрижка, внимательные глаза, очень нормальная улыбка; ещё одна пара; двое детей; огромная собака, которая лениво лежит в тени и не считает нужным реагировать на новых людей.

Никто не пялится на меня слишком долго. Никто не начинает допрос. Все просто здороваются.

От этого внутри понемногу отпускает.

— Катя, пойдём, — сразу берёт меня под руку Оля. — Сумку можешь в доме оставить. И не слушай этих кулинарных инвалидов, они с утра спорят, как правильно жарить мясо, будто от этого курс рубля зависит.

— Зависит! — доносится от мангала чей-то голос. — Неправильный маринад — это национальная трагедия.

— Вот, — Оля закатывает глаза. — Клинические случаи.

Я смеюсь уже свободнее.

Пока мы заходим в дом, я невольно оборачиваюсь. Ваня как раз вытаскивает из машины пакеты и шампур, перекидывается с кем-то парой слов, не оглядывается на меня, не проверяет, удобно ли мне.

И, наверное, именно это меня успокаивает окончательно. Он не тащит меня за руку в свою компанию. Не присваивает. Просто привёз и дал войти в это пространство самой.

Внутри дома прохладно. Оля показывает, куда можно кинуть сумку, где умывальник, где туалет.

— Ты не переживай, — говорит она как бы между делом. — У нас тут всё просто. Если захочешь спрятаться от шума — вон веранда сзади, там обычно тишина.

— Спасибо.

— Да не за что. Ваня, конечно, специфический, но не кусается.

Я вскидываю брови.

— Специфический?

Оля усмехается.

— Очень. Если что-то вбил себе в голову, прёт как танк. Но человек хороший.

“Прёт как танк” почему-то цепляется за память сразу. Потому что слишком совпадает с тем, что я уже успела почувствовать.

Когда выхожу обратно во двор, стол уже почти накрыт. На мангале шипит мясо, дети носятся между клумбами, собака переворачивается на другой бок. Жара понемногу набирает силу. В воздухе дым, зелень, маринад, лето.

И посреди этого всего Ваня стоит у стола и нанизывает мясо на шампуры.

глава 7

Я невольно зависаю на секунду. Не на самом мясе, конечно. На том, как он это делает. Быстро, уверенно, без суеты, длинными, сильными пальцами, будто даже в такой ерунде есть какой-то собственный порядок.

Потом он поднимает голову и ловит мой взгляд.

Я отворачиваюсь слишком резко. Поздно.

Он уже всё понял.

Конечно.

— Катюх, иди сюда.

— Зачем?

— Делом займёшься.

Голос ровный, почти ленивый, но я уже знаю: если подойду — не отпустит.

— Я, вообще-то, не работать сюда приехала.

— Это я уже понял. Но лук-то хотя бы порежь, а то у меня рук не хватает, — Ваня так выразительно смотрит, что я не могу даже подходящую отмазку придумать. Иду.

Подхожу к столу, шурясь от солнца, а он уже хитро улыбается.

— Очень щедро с твоей стороны, — явно язвит он.

— Я стараюсь, — в противовес его явной издёвке притворно растягиваю губы в улыбку.

Он ухмыляется, подвигает мне доску, нож и миску с луком.

— Режь тонко.

И вот тут меня снова слегка царапает. Не потому что он что-то ужасное сказал. А потому что в его голосе опять это спокойное «я сказал — ты делаешь», от которого у меня автоматически поднимаются иголки.

— А если толсто? — спрашиваю я из вредности.

Ваня поднимает на меня глаза и чуть дольше задерживается ими на моём лице.

— Буду недоволен, — ох уж этот его голос, так сказал, словно меня физически под зад ладошкой ударили.

— Переживу, — тут же огрызаюсь я полушёпотом.

Он слышит, и его губы чуть растягиваются в усмешке.

— Не сомневаюсь, — заканчивает он нашу мини-перепалку.

Пару минут после этого мы действительно работаем молча. Я режу лук, он занимается мясом. Только молчание у нас выходит не нейтральное, а какое-то слишком живое. Я слишком остро чувствую, что он рядом. Как двигается. Как иногда задевает меня локтем почти случайно. Как пахнет дымом, свежестью и чем-то своим.

Лук быстро начинает щипать глаза. Я морщусь.

— Отлично, — бормочу я. — Сейчас ещё разрежусь для полноты образа.

— А чего ты хотела? Это же лук, — тут же над ухом голос соседа.

— Спасибо, без тебя бы я этого точно не поняла.

Он хмыкает. Я продолжаю резать, уже чуть злее, чем нужно.

— Ты всегда такая злая с утра? — спрашивает он.

Сказано без нападения. Скорее с интересом. Но мне всё равно тут же хочется защищаться.

— Я не злая.

— А какая?

Я делаю ещё пару резких движений ножом.

— Осторожная.

Он отвечает не сразу, и от этой паузы мне почему-то становится неуютно. Будто он не просто услышал слово, а примерил его на меня.

— Со всеми? — спрашивает, наконец.

— Со всеми.

— Врёшь.

Я поднимаю на него глаза и понимаю сразу, что лучше бы я этого не делала. Потому что он смотрит слишком спокойно. Не ловит меня на слове. Не давит. Просто будто видит то, что я хотела спрятать даже от себя.

— Со всеми ты не такая. А вот со мной — да.

Сказано негромко, почти буднично, а у меня внутри всё неприятно сжимается. Потому что он, кажется, правда заметил. И заметил быстрее, чем должен был.

— Много о себе думаешь, — снова огрызаюсь я.

— Нет, Катюх. Я просто вижу.

Вот это «вижу» бьёт сильнее, чем если бы он начал шутить или нарываться. Лучше бы шутил. От его спокойной уверенности мне почему-то сложнее.

К столу подбегает рыжий мальчишка с водяным пистолетом.

— Дядя Ваня, а можно я в тебя стрельну?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что у меня спецоперация, и если ты ранишь главного по насаживанию шашлыков, то все останутся без вкусного мяса, понятно объясняю?

Мальчишка хохочет и убегает, и я тоже невольно улыбаюсь.

— С детьми ты, значит, тоже угрозами работаешь?

— Только по делу.

Я качаю головой. И вдруг замечаю, что нож у меня в руке ходит уже совсем неровно, из-за слёз от лука и из-за того, что сама завелась.

Ваня забирает у меня доску поближе к себе.

— Давай сюда.

— Зачем?

— Кольца толстые.

Всё. Моментально. Одной этой фразой он снова попадает в мою болезненную точку. Я выпрямляюсь и говорю с большим нажимом, чем требуется.

— Нормальный лук!

— Нет.

— Да какая разница, он всё равно ужарится.

— Мне есть разница.

И ведь говорит спокойно, не повышая голоса, а я уже чувствую, как внутри поднимается раздражение. Не из-за лука, конечно. Из-за тона. Из-за этой его привычки всё определять за секунду и ставить точку.

— А мне нет.

Иван откладывает шампур и смотрит на меня внимательнее.

— Кать.

И вот в одном только том, как он произносит моё имя, уже слышится предупреждение. Без грубости. Но твёрдо. Будто он привык, что после этого его слушают.

У меня внутри тут же всё встаёт дыбом.

— Я не у тебя в подчинении, — холодно говорю я.

Он чуть шурится.

— А я и не начальника включал.

— Зато тон очень похож.

— Потому что ты споришь из принципа.

— А ты командуешь из привычки.

Между нами мгновенно становится тихо, хотя вокруг дети кричат, Серёга ругается на угли, кто-то несёт тарелки к столу. Но я перестаю слышать всё это. Слишком остро чувствую только его взгляд. На секунду мне даже кажется, что сейчас он огрызнется жёстче. Поставит на место. Скажет что-нибудь такое, от чего я точно вспыхну окончательно.

Но вместо этого он просто переводит взгляд на мои глаза, слезящиеся от лука, и говорит уже совсем иначе:

— Я просто не хотел, чтобы ты плакала из-за этой ерунды.

И всё.

Вся моя злость спотыкается. Потому что сказано это без игры. Без желания выиграть. Просто как есть. И от этого я чувствую себя почти глупо — как человек, который уже приготовился к драке, а ему внезапно подали стакан воды.

— Вообще-то, я не плачу, — бурчу я.

— Ага, конечно.

Я закатываю глаза.

— Ненавижу, когда ты так говоришь.

— А я люблю, когда ты злишься.

Вот теперь он снова чуть улыбается, и меня отпускает. Совсем немного. Ровно настолько, чтобы я не швырнула в него этим луком.

Он аккуратно вынимает нож у меня из пальцев и быстро дорезает всё сам. Я стою рядом, утираю глаза тыльной стороной ладони и почему-то слишком ясно чувствую: если бы он действительно начал давить, мне было бы проще. Но он всё время балансирует на какой-то грани — достаточно жёсткий, чтобы бесить, и достаточно внимательный, чтобы не дать мне окончательно от него оттолкнуться.

Это опасное сочетание.

— Вы там не подерётесь из-за лука? — кричит из беседки Оля.

— Пока нет, — отзываюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.